

Глава 28. Походный лекарь

Даже после заверений Ваньянь Кана его отец не мог обрести покой. Ваньянь Хунле слишком хорошо знал своего сына: тот никогда не жаловался и привык скрывать истинную тяжесть своих увечий. Если даже при столь страшных ранах в прошлом Кан-эр умудрялся сохранять ясность рассудка, то нынешний обморок говорил лишь об одном — положение критическое. Однако князь понимал и опасения сына. Кан-эр только что ранил того даоса, и если остальные придут мстить, собственных сил Хунле не хватит, чтобы защитить ребенка. Опрометчивость могла стоить мальчику жизни, и это вводило Ваньянь Хунле в тягостное замешательство.

В этот момент в лагерь вернулся Лин Фэн, завершивший очередное поручение. Увиденное повергло его в изумление. Мастерство юного князя теперь превосходило даже их с Лин Юэ навыки — кто же оказался столь силен, чтобы нанести ему столь тяжкий удар?

Ваньянь Хунле, отбросив сомнения, велел ему немедленно привести лекаря. Он особо подчеркнул, что действовать нужно скрытно: способностей Лин Фэна должно было хватить, чтобы проскользнуть мимо врагов.

Вскоре Лин Фэн вернулся в шатер, ведя за собой врача, и Ваньянь Хунле наконец немного перевел дух. На расспросы о ситуации снаружи Лин Фэн подтвердил опасения Ваньянь Кана: Цю Чуцзи и Ли Пин все еще не ушли. Более того, к ним присоединились пятеро из «Монстров Цзяннани». Судя по всему, они что-то оживленно обсуждали и, заметив Лин Фэна с лекарем, мгновенно догадались о состоянии врага.

«Монстры» и раньше питали ненависть к Ваньянь Кану из-за гибели двух своих собратьев, и лишь память о его благородных предках удерживала их от расправы. Но теперь, когда он осмелился поднять руку на даоса Цю, они сочли это последней каплей. С их точки зрения, пощадить того, кто признал врага отцом и погряз в коварстве, означало изменить самому долгу справедливости. Цю Чуцзи, хоть и знал о силе Лин Фэна, не стал мешать «Монстрам». Охраннику пришлось отбиваться, одновременно защищая лекаря, но он выстоял, временно отогнал противников и благополучно завел врача в шатер.

Прибывшим оказался не старый лекарь Ли, постоянно пребывавший в Поместье князя Чжао, а молодой человек лет двадцати трех. Несмотря на юность, само его звание свидетельствовало о незаурядном таланте. Однако, осмотрев Ваньянь Кана, даже этот одаренный лекарь Цинь нахмурился. У юного князя была не только тяжелая внутренняя травма — у него начался сильный жар. К счастью, помощь подоспела вовремя; промедли они еще немного, и медицина была бы бессильна. Впрочем, опасность еще не миновала.

Ваньянь Хунле не отходил от сына ни на шаг. Он с болью в сердце наблюдал, как мальчик мечется в забытьи: то его лицо искажалось от муки, то на нем проступала необъяснимая, глубокая печаль. Князь мог лишь крепко сжимать его ладонь, надеясь, что его тепло передастся ребенку.

Когда лекарство было готово, лекарь Цинь попытался напоить больного, но Ваньянь Кан не

проглотил ни капли. Жидкость просто стекала по подбородку.

— Так и есть, — прошептал лекарь.

— Что «так и есть»? — в тревоге вскричал Ваньянь Хунле.

Лекарь Цинь покачал головой, вытирая следы отвара с губ юноши:

— Его раны тяжелы, но не настолько, чтобы он не мог пить. Причина в другом... Он утратил волю к жизни.

Ваньянь Хунле пошатнулся, словно от удара, и лишь чудом удержался на ногах.

— Невозможно... Кан-эр сам сказал, что ему нужно просто поспать. С чего бы ему терять желание жить?

Лекарь отвел взгляд — он не хотел видеть смерть своего пациента, против которой его искусство было бессильно.

— Попробуйте поговорить с ним. Скажите что-то, что заставит его сердце вновь зацепиться за этот мир...

Ваньянь Хунле слишком хорошо понимал своего сына, поэтому сразу ударил в цель:

— Кан-эр, ты ведь не хочешь, чтобы отец страдал? Проснись же! Ты ведь обещал мне... обещал возродить былое величие нашего государства Цзинь!

Стоило этим словам прозвучать, как черты спящего Ваньянь Кана начали смягчаться. Лицо, сведенное судорогой боли, разгладилось, в нем появилось едва заметное умиротворение. Лекарь Цинь просиял — это означало, что надежда еще жива.

Спустя долгое время Ваньянь Кан, сквозь гул в ушах, медленно открыл глаза. Первым, что он увидел, был исполненный тревоги взор отца, затем — Лин Фэн, и, наконец, лекарь. На лекаре Цине его взгляд задержался чуть дольше. Цинь Жань, ставший императорским врачом в двадцать три года и за четыре года занявший место в иерархии сразу после старого лекаря Ли... Кан знал, что тот сопровождает их в поездке к монголам, но раньше они почти не общались.

Ваньянь Кан слабо улыбнулся отцу:

— Со мной все в порядке.

Трое мужчин облегченно выдохнули. Раз он пришел в себя, худшее осталось позади. Лекарь Цинь поспешил поднести свежий отвар, и Ваньянь Кан сам взял чашу:

— Я справлюсь.

— Зачем ты сдался? — не удержался лекарь. — Ты хоть понимаешь, как напугал князя?

Ваньянь Кан лишь виновато улыбнулся. Его действительно на миг посетила мысль о покое — старые, горькие воспоминания нахлынули вместе с болью.

— Отец, — голос юноши был тихим, но отчетливым, и в шатре воцарилась тишина. — Если когда-нибудь я стану для вас преградой... не проявляйте милосердия.

В глазах его на мгновение мелькнула пугающая пустота.

— И не спрашивайте почему.

Прежде чем кто-то успел осознать смысл этой жуткой просьбы, Ваньянь Кан вернул на лицо привычную мягкую улыбку:

— Кстати, сколько я проспал?

Ваньянь Хунле нахмурился, чувствуя, что сын уходит от ответа, но настаивать не стал:

— Восемь часов.

— Значит, мы пропустили время выступления? Впрочем, еще не поздно. Если не задерживаться у Тэмуджина, мы успеем добраться до следующей стоянки до темноты.

Ваньянь Хунле вздохнул:

— Успеть-то успеем, но твои раны...

— Мои раны подождут. Не так ли, лекарь Цинь?

Лекарь кивнул:

— Жар спал. Но внутренние повреждения не заживут в один миг. Если и ехать, то не слишком быстро.

Ваньянь Хунле перевел взгляд с сына на врача и, наконец, сдался:

— Раз лекарь Цинь говорит, что это допустимо — выступаем.

<http://bllate.org/book/17543/1705535>